

В основе творчества Таисьи Ефимовны Пьянковой – сказания Верхнего и Среднего Приобья. Она тяготеет к волшебнo-фантастическим мифологическим сюжетам, стремится через далёкие по времени события выходить на актуальные проблемы наших дней, в первую очередь бережного отношения к природе. В своих сказах она старается донести прелесть и обаяние старинной поэтической выдумки, сочность и колоритность народной речи.

Мне захотелось написать о сказочниках, и я, как умела, составила вопросник из 84-х вопросов к авторам, чтобы легче было ориентироваться в сложном их творчестве. Таисья Ефимовна приняла это, как серьёзное поручение, и ответила мне очень быстро и толково.

Итак, **вопрос первый**: «Кто из родственников играл роль в становлении Вас сказителем? Если такого влияния не было, тогда что сыграло эту роль?»

Т. Е. Пьянкова:

Бабушка моя Елизавета Ивановна широко пользовалась народными пословицами и т.п. Это мне помогло избегать при работе готовые речения. Я (почти) не пользовалась ими.

Много путешествовала. Из всего сделала вывод, что без Сибири жить не могу.

Буду банальна, сказки – мои дети. А самым невероятным было следующее: звонит как-то мне человек, который был занят старым русским языком, говорит, что нашёл двенадцать таблиц шестого века и хочет эти тексты проверить на моей интуиции. Читает и я сражена: тексты почти один в один совпадают с моими /сочинёнными мною/ для сказа «Память выдумки». И таких примеров не один.

Мой любимый сказочный герой, а вернее, ценный – это тот мальчик, который воскликнул – а король-то голый!

В каждом человеке живёт ребёнок. А испытывает ли он крайние эмоции, зависит от изложения автора.

Опыт мой – это 40 лет производственного стажа и 56 лет – писательского. А если кратко: опыт – это позвоночник. И тяготёю я больше не к разновидностям сказок, а к сказке настоящей, чтобы люди, читая меня, не тратили время напрасно.

П. П. Бажов:

О разговорах бабушки моей /Авдотьи Петровны/ довольно подробно давалось в очерке «У старого рудника» и в повестушке «Зелёная кобылка»... Но ведь у меня, во-первых, нет уверенности, что всё это именно слышал от неё – от Авдотьи Петровны, а не от бабки или деда своего товарища, и, во-вторых, нельзя забывать, что общая сумма слышанного вне семьи во много раз превышает то, что слышал в семье. И это, поверьте, очень существенно. Пушкинская Арина Родионовна, Гринёвский Савельич, Иохим Петруся и т.д. представляются и, действительно, могли быть единственными конденсаторами влияний трудовой группы на изолированного от неё ребёнка. Совсем иное получается, когда ребёнок растёт среди этой именно группы. Здесь он видит представителей группы на каждом шагу и даже при самой острой памяти

едва ли в состоянии отделить документально одно лицо от другого. Словом, горьковская бабушка, по-моему, гораздо более собирательна, чем пушкинская няня...

Вопрос второй: *«Расскажите о том времени, когда Вы были ребёнком, самые сильные впечатления того периода?»*

Т. Е. Пьянкова:

Я помню инвалидов войны. Подруг у меня не было. Игра моя заключалась в том: когда сёстры начинали играть в «домики», я брала сумку и шла «побираться», напевая песни инвалидов... А после шести лет моё детство прошло в детдомах...

П. П. Бажов:

О своей бабушке храню благодарную память, как о ласковом, немало повидавшем на своём веку трудностей и словоохотливом человеке, честно отработавшем свой срок.

Но таких было немало и в ближайших избах. Поэтому выделять, что то или другое слышал от своей бабушки, считаю невозможным. Единственно, что могу утверждать, это первые детские сведения о Медной горе могли быть получены только от бабушки и отца, так как других лиц, знавших об этом, в ближайшем моём окружении не было.

Отсюда вывод, вроде совета.

Надо налегать не на бабушку, а на весь рабочий уклад того времени и особенно на заводских стариков, беседы на завалинках в праздничные дни или даже на такие обычаи, как супрядки, капустники, где обычно «вертелись» и мальчуганы годов до семи-восьми. Там они, как губка, впитывали, «о чём старухи судачат», «о чём старики сказывают».

Вопрос третий: *«Какой писатель-сказочник Вам особенно дорог?»*

Т. Е. Пьянкова:

Бажов. Гоголь. Народные посиделки с фантазиями говорух. Очень увлекала фантазия.

П. П. Бажов:

Лесков, Горбунов, который на потеху публики нарочито преувеличивал речевые и фонетические неправильности и выискивал словечки.

Говоря откровенно, Мельников мне казался всего ближе. Простая близкая натура, ситуация и тщательно отобранный язык, без перехлёстывания в словесную игру... А главное, конечно, Чехов. Помню всё до мелочей, а вот не знаю, с какого именно рассказа начал читать.

Одно ясно представляется – с первой же страницы фыркнул, захлебнулся смехом... Однако смех ни в коей мере не затеняет основную мысль...

Может быть, это моё невежество, но мне почему-то сдаётся, что смех молодого Чехова, его национальные особенности остаются белым пятном на «литературоведческой карте»...

Но главное всё-таки не в генеалогии и литературе, а в жизненном пути, в характеристике той общественной группы, под влиянием которой формируется человек, среди которой приходится ему на том или другом положении жить и работать.

Вопрос четвёртый: *«Были ли у Вас выезды фольклорного плана, если были, то в какие места?»*

Т. Е. Пьянкова:

Никогда не собирала фольклора, но всегда слышала, как разговаривают люди.

Мне всегда хватало собственной фантазии.

Никогда ни с кем не группировалась, всегда была при себе. Не имели для меня никакого значения чужие мнения, дневников и записных книжек никогда не вела. Никогда никого

не выспрашивала. Всё моё со мной. И только! Я слишком сильный критик, чтобы попадать под чужое влияние.

П. П. Бажов:

Восемнадцать летних просторных вакалов. Больше всего скитался по Уралу. Результат – 6 полных тетрадей узколокализованных присловий с полной паспортизацией: где, когда записано, от кого слышал.

Это вам не воспроизведение слышанного по памяти, а настоящий научный документ.

И хоть тетради пропали, разве от этой работы чего-нибудь не осталось? Да я вот ещё и сейчас помню: «У людей канительно, а у нас просто», «У них пашут да боронят, сеют да жнут, молотят да веют, а у нас снимай штаны, полезай в воду и тащи полным кулем»...

Вопрос пятый: *Знание языков?*

Т. Е. Пьянкова:

Владею русским и только. Сказочнику нужно сполна уметь пользоваться русским языком. Грамотная речь – это страшно! Это мёртвый язык.

Запас народных слов – это моя стихия! Мой совет молодым авторам: «Не зная действительности, не бери в руки перо писателя. Не имея фантазии, не пиши сказки. Каждая моя сказка для меня пример.

П. П. Бажов:

Общий вывод по вопросу об языке: придерживаюсь здесь требований анкет записывать лишь тот язык, на котором свободно говоришь, читаешь, пишешь. Я, конечно, говорю с запинками, читаю через очки, усиленные лупой, пишу – ох, как не свободно – но это не останавливает меня в графе о знании языков с разгонкой писать русский. Уж очень огромен наш язык, и каждый из нас перед ним козявка козявкой.

Можно восторгаться обилием слов, удивляться своеобразным ходом приставок, тонкой игре глагольных суффиксов и т.д. но знать... Сказать по секрету, едва ли даже Академия наук может это сказать про себя.

Вопрос шестой: *Как находите занятную фабулу?*

Т. Е. Пьянкова:

Приходит сама (свыше).

Пишу сразу и основательно. Каждая не доведённая до совершенства строка – барьер для дальнейшей работы. Слова приходят сами и только (порой) приходится сверять со словарём В. Даля.

К архивным материалам и литературным источникам не прибегаю совсем.

Самое тяжёлое в работе – инверсия и редукция. Каждое слово должно стоять на своём месте. Я всё, как есть, переживаю со своими героями потому, что (реально) перехожу в их сущность.

Никогда не закликаюсь на чужих мнениях. С героями бывает всякое. Приходится преображаться.

Описательства избегаю. Стараюсь пользоваться бытовыми зарисовками, только характерными. Никогда не составляю плана. Всё хаотично, всё добровольно!

Сказочные детали – это всё та же бесконечная инверсия.

Переход с привычного литературного языка на народную речь для меня не представляет никакой трудности. Стоит только сесть за работу. Я уверена, что прежние люди более легко прибегали к выдумке.

Одно – не были загружены информацией, другое – больше общались между собой, остро чувствовали колорит минувших лет и полной грудью дышали воздухом другой исторической эпохи в «Памяти выдумки». Я постоянно «переселяюсь»

– бегая по временам. Однажды использовала свою сказку «Нечистая тройца» /совсем как Х. Андерсен/ для вымещения досады, потому что соседями была обижена моя бабушка.

С неё и начались мои сказы.

Такие приёмы для создания сказов, как перевирание сказок, выворачивание их наизнанку и тем более салат из сказок не приемлю. Любой формы графоманство презираю. Предисловие к сказкам использую не с целью оправдаться. Это скорее размышление, наставление. Мои сказы служат материалом для ребят театрального института, поставлен спектакль в г. Кемерово (без моего ведома) и впечатления на меня не произвёл, есть добротный мультфильм по сказу «Акентьево озеро», сделан мультипликатором г. Бердска Геннадием Дмашонкиным и его учениками.

Моё рабочее время – ночь. Днём я чужда своим фантазиям.

П. П. Бажов:

Итак, день всё-таки не пропал, если его итогом оказалась первая намётка новой книжки. К сроку во что бы то ни стало надо сделать хоть первый заголовный сказ. Он начат, но подвигается медленно: не мог найти занятную фэбулу.

Вот посмотреть, может быть, и наберётся на сказ «Лёвушкины крупинки», ценить – внимание к мелочам. Относительно алмазов и возможности писать об этом надо поговорить с профессором кристаллографии Вертышевым, Д. Н. Оглобиным и особенно с К. К. Матвеевым. Надо это обязательно сделать.

Да, сделать это, сделать то, а время уходит на разные пустяки, и винить некого, кроме себя...

Предварительная работа от замысла до оформления на бумаге продолжается иногда годами. К дарованию необходимы упорная работа и полное знание материала. И какая всё-таки

это изумительная вещь – фольклор!.. Жаль, что многие этого не понимают.

Воспроизводить сравнительно далёкое прошлое можно только при условии внимательного изучения и знания всех исторических деталей, а без этого получится полная несуразность, надо избегать несущественных подробностей; заглавие сказов фразой, по-моему, одно из труднейших. Тут надо что-то очень яркое и короткое подобрать. Редко кому удаётся.

Сказы ложатся на бумагу по-разному. Иногда почти сразу, но чаще с многократным переписыванием. Главная трудность найти подходящее слово. Всё-таки ведь обычно говоришь и пишешь на привычном литературном языке, и переключение на народную речь прошлого нелегко, даже и тем, кому эта речь была «лянг матернель». Много путают все эти сложносочинённые и сложноподчинённые с удобными, как обношенные сапоги, связками: который, когда, чтобы и т.д. Не думайте, что это легко.

Вторая трудность – подыскивание выразительного слова, которое бы, даже будучи совершенно новым для читателя, не заставило бы его лезть в словарь, а укладывалось в сознании, как привычное, вполне понятное. Где фонетически неправильные слова лезут в диалог, всегда стараюсь заменить их адекватными словами и выражениями, которые бы не содержали насмешки над речью неграмотных людей прошлого. Это, между прочим, тоже не всегда легко...

И ещё, старая сказка всегда будет нужна. В ней много той дорогой были, которая полезна сейчас и пригодится потом.

По этим дорогим зёрнышкам люди наших дней въявь увидят начало пути, и напомнить это надо.

Недаром говорится: молодая лошадка по торной дороге легко с возом идёт и о том не думает, как тяжело пришлось тем коням, которые первыми по этим местам проходили. То же

и в людской жизни: что ныне – всякому ведомо, то большим потом и трудом прадедам досталось, да и выдумки требовало, да ещё такой, что и теперь дивиться приходится.

У меня ночной режим работы.

Сижу подолгу, просыпаюсь поздно.

Вопрос седьмой: *Ваше взаимодействие с иллюстраторами Ваших сказов. Удовлетворяют ли они Вас?*

Т. Е. Пьянкова:

В настоящее время моим оформителем является Любовь Лазарева. Других художников мне не надо!

П. П. Бажов:

Кажется, сказки много бы выиграли, если бы им дать подобное соединение фольклорного орнамента с авторским замыслом в рисунках.

У меня на этом пункте всегдашние огорчения.

Только во фронтисписе издания сорок второго года покойный Кузнецов дал прекрасное выражение основной идеи книги.

По моим произведениям ставились фильмы, радиопередачи, спектакли.

Вопрос восьмой: *Мучают ли Вас такие вопросы при написании сказов: скучен ли он? Полезен ли он?*

Т. Е. Пьянкова:

Не мучают, поскольку я исключаю из работы вопросы подобного рода.

П. П. Бажов:

Пусть знают, что всякий может послужить искусству, если его самого какая-нибудь разновидность искусства хотя бы на примитивнейшем ткацком станке волнует и ему захочется это волнение как-то передать.

Вопрос девятый: *Как реагируют на Ваши сказы собратья по перу?*

Т. Е. Пьянкова:

Меня никто и никогда не рецензировал. Хотя – Илья Лавров, прочтя мои сказы ребятам (на первом моём семинаре), сказал – вот так надо писать. А наш критик А. Горшенин молвил следующее: «Ваши сказы плохи тем, что слишком хороши».

Никогда не становлюсь по ранжиру. Я (простите) та самая кошка, гуляющая сама по себе.

П. П. Бажов:

Жена мой первый рецензент и советник по творческим вопросам.

Литературоведы не раз укоряли меня в том, что я неправильно выставляю на первое место фактический материал, а я продолжаю думать, что отобрать и понять факты народного творчества – это тоже творческое начало.

Вопрос десятый: *Назовите самый счастливый день Вашей жизни.*

Т. Е. Пьянкова:

Было счастье: пригласили меня в школу, (где в зале было собрано четыре класса). И самое главное – читала не я. Читали ребята наизусть мои вещи!

А некоторые – в сопровождении музыкой.

Я всегда твержу: всякое произведение обязано сопровождаться музыкой.

Иначе получается что-то неопрятное, непричёсанное. Будь это стихи, проза, даже статья...

П. П. Бажов:

Это публикация сказа «Живинка в деле» в 1943 году.

Смысл его в том, что «Всякий труд прекрасен, надо лишь, чтобы «живинка поймала» тебя».